

Е. А. Сударикова
НИУ ВШЭ, Москва

**ПОСЕССИВНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ
В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
-IN(E)/-EN(A) И -KIN(E)/-KEN(A)¹**

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию свойств некоторых посессивных и относительных показателей в амгуэмском говоре чукотского языка, а также тому, какое положение на иерархии одушевленности занимают основы, к которым они способны присоединяться. Чукотские посессивные и относительные аффиксы уже были рассмотрены в статьях [Кортъевскаја-Тамм 1995] и [Пупынина 2018], в то время как положение в иерархии одушевленности именных основ чукотского языка до сих пор специально не изучалось. Для родственного чукотскому корякского языка такая попытка была предпринята в работе [Kurebito 2004].

Статья состоит из 9 разделов, в которых рассмотрены различные свойства посессивных и относительных показателей, позволяющие определить место основы, к которой они могут присоединяться, в иерархии одушевленности. Разделы 2, 3 и 4 содержат общие сведения об устройстве чукотского языка, о посессивных и относительных показателях соответственно. В разделе 5 рассмотрены пограничные случаи, когда к основе может присоединяться и посессивный, и относительный аффикс. Сочетаемость относительных аффиксов с наречиями времени описана в разделе 6. В разделах 7 и 8 представлены специфичные для чукотского языка параметры, например, способность именных основ, содержащих посессивные или относительные аффиксы, к

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

инкорпорации и именной предикации. Обобщения относительно иерархии одушевленности представлены в разделе 9, а выводы — в разделе 10.

2. Краткие сведения об устройстве чукотского языка

Чукотским языком, который относится к чукотско-камчатской языковой семье, владеют около 5000 человек. Грамматические описания языка представлены в работах [Скорик 1961; Dunn 1999].

В чукотском языке наблюдается сингармонизм в пределах слова: возможны т. н. сингармонически слабые и сильные варианты морфем, например, посессивный аффикс в слабом варианте имеет вид *-in(e)*, а в сильном — *-en(a)*. В общем случае слог имеет фонетическую структуру (C)V(C). Для языка характерна агглютинативная морфология; встречаются многочисленные именные и глагольные деривации; имеется сложное глагольное согласование; распространена как глагольная, так и именная инкорпорация; падежное маркирование эргативно; маркирование зависимостное; в языке имеется развитая система падежей.

3. Посессивы в чукотском языке

Посессивность в чукотском языке может быть выражена разными способами. Для выражения предикативной посессивности может быть использована одна из двух форм. Первая из них представляет собой сочетание префикса *ye-/ya-* и одного из лично-числовых аффиксов:

- (1) *ya-qora-more*
 PF-олень-1PL
 ‘у нас есть олени’²

При этом, помимо посессивного значения, в сочетании с глагольной основой эта предикативная форма может выражать перфект:

- (2) *amənan ye-wʔi-lin* *ənqen* *ca:kəyet*
 только PF-умирать-PF.3SG тот сестра.NOM.SG

² Примеры без указанного источника, использующиеся здесь и далее, взяты из полевых материалов автора статьи.

yən-in

2SG-POSS³

‘Единственным человеком, который погиб, была твоя сестра.’

[Dunn 1999: 149]

Данная конструкция также выражает экзистенциальное значение (при соединении с именными основами):

(3) *Weļatkora-n ya-ta²a-ļen?*

магазин-NOM.SG PF-табак-PF.3SG

‘В магазине есть сигареты (Магазин обладает сигаретами)?’

[Пупынина 2018]

Однако этот способ выражения экзистенциальной и локативной предикации в чукотском языке обладает особенностями в употреблении: невозможно употребление *ye-...-lin* для выражения локативной предикации при личном участнике.

Второй способ выражения предикативной посессивности — это использование независимого предиката, образуемого при помощи аффикса *-lʔə*:

(4) *Wəkwən mooqora-lʔə-n.*

Выквын.NOM.SG упряжной.олень-ATR-3SG

‘У Выквына есть упряжной олень / упряжные олени’

[Пупынина 2018]

Этот аффикс также может выполнять субстантивирующую функцию:

(5) *etniiŋə-lʔə-t*

тундра-ATR-PL

‘те, которые из тундры’

[Dunn 1999: 143]

В данной статье будет подробно разобрана форма, участвующая в образовании непредикативных посессивных конструкций. Она образуется с помощью суффикса *-in(e)/-en(a)*, который присоединяется к именным основам и маркирует посессора. Получившаяся конструкция выполняет типичные функции посессивов [Aikhenvald, Dixon 2013], выражая следующие значения: обла-

³ Здесь и далее использованы авторские глоссы, которые могут отличаться от приведенных в источнике.

дание (6), родство (7), отношение «часть–целое» (8), (11), части тела (9), а также материал (10):

- (6) *yəmn-in qora-ŋə*
1SG-POSS олень-NOM.SG
'мой олень'
- (7) *ŋinqej-in ətʔa*
мальчик-POSS мать.NOM.SG
'мать мальчика'
- (8) *ŋej-in kanotkə-n*
гора-POSS вершина-NOM.SG
'вершина горы' [Коптјевская-Тамм 1995: 304]
- (9) *qʔawol-en tənʔə-t*
мужчина-POSS рука-PL
'руки мужчины'
- (10) *utt-in wonnə*
дерево-POSS ложка.NOM.SG
'деревянная ложка'
- (11) *utt-in rətəl*
дерево-POSS ветка.NOM.SG
'ветка дерева'

Если обладаемое стоит во множественном числе, соответствующий маркер множественного числа может, но не обязан дублироваться на посессоре (ср. (12) и (13), (14) и (15)):

- (12) *yəmn-in ŋeekke-t*
1SG-POSS дочь-PL
- (13) *yəmn-ine-t ŋeekke-t*
1SG-POSS-PL дочь-PL
'мои дочери'
- (14) *ŋinqej-in tumʔə-t*
мальчик-POSS друг-PL
- (15) *ŋinqej-ine-t tumʔə-t*
мальчик-POSS-PL друг-PL
'друзья мальчика'

В чукотском языке есть возможность выражения множественного числа самого посессора с помощью суффикса *-ry-*:

- (16) *ɲinqeɟ-e* *ɲeekkeqeɟ-ry-in*
 мальчик-INSTR девочка-AN.PL-POSS
piri-ni-n *kojɲə-n*
 брать-3SG.A.3.O-3SG.O чашка-NOM.SG
 ‘Мальчик взял у девочек чашку.’

По данным, приведенным в [Dunn 1999: 151], показатель *-rək*, этимологически родственный *-ry*, используется для образования форм множественного числа в эргативе, локативе и аллативе от так называемых *high animate nouns* (существительных, обозначающих человека, в том числе термины родства):

- (17) *ɲanqen* *ɲan* *ate-rəkə*
 тот DEICT предок-AN.ALL
tə-re-tqət-yʔe *ɲutku*
 1SG.S/A-FUT-отправляться-TH здесь
tə-re-ntə-ɲə-n *reɬuurʔə-qeɟ*
 1SG.S/A-FUT-иметь-TH-3SG жевательный_табак-DIM
neme *qol* *neme* *qol* *neme* *qol*
 опять раз опять раз опять раз
 ‘Я отправлюсь к своим предкам, где смогу найти больше жевательного табака, и еще, и еще.’ [Dunn 1999: 276].

Полевые данные помогли подтвердить факт, описанный в работе [Скорик 1961: 227], согласно которому *-ry*, родственный суффиксу *-rək*, может присоединяться и к существительным, обозначающим животных:

- (18) *ʔəttʔə-qaj-ry-en* *nə-teɲ-qin*
 собака-DIM-AN.PL-POSS ST-хороший-ST.3SG
eʔə-n
 хозяин-NOM.SG
 ‘У собак добрый хозяин.’

В данном случае на возможность присоединения *-ry-* влияет иерархия одушевленности (более подробно она будет рассмотрена в разделе 9). К этому оказываются способны именные основы, обозначающие важных для человека животных (собак), а также

те, которые обозначают существо, уподобляющееся человеку в определенном контексте, например, в сказках, где животные наделены способностью размышлять и разговаривать. В работе [Скорик 1961: 227] среди таких животных упоминаются куропатки, волки, нерпы, моржи и лоси.

Наряду с вышеперечисленными животными ворон является одним из ключевых персонажей чукотского фольклора [Богораз 1900], но информанты неохотно образуют от этой основы посессора во множественном числе. Возможно, дело в контексте: в приведенном ниже примере ворон не наделен человеческими чертами.

- (19) ²*wəłwə-ry-en* *rił-ti* *nə-mejəŋ-qine-t*
 ворон-AN.PL-POSS крыло-PL ST-большой-ST.3SG-PL
 ‘У воронов большие крылья.’

4. Относительный аффикс в чукотском языке

Относительный аффикс *-kin(e)* присоединяется к именным основам, обозначающим неодушевленные объекты, глагольным основам, а также наречиям. Получившаяся форма обозначает предмет, находящийся в определенных отношениях к другому предмету. В число таких отношений входят «часть–целое» (20), время (21) или абстрактное отношение к предмету, например, предназначение (22)–(23):

- (20) *ottə-jara-ken* *qeryəcʔə-n* / *tətəl*
 дерево-дом-REL окно-NOM.SG дверь-NOM.SG
 ‘окно/дверь в деревянном доме’
- (21) *iyət-kin* *kawkaw*
 сегодня-REL хлеб-NOM.SG
 ‘сегодняшний хлеб’
- (22) *kojŋə-n* *ikwəci-kin*
 стакан-NOM.SG пить-REL
 ‘стакан для питья (из которого обычно пьют)’
- (23) *miyciret-kin* *ewirʔə-n*
 работать-REL одежда-NOM.SG
 ‘рабочая одежда’

Стоит отметить, что в чукотском языке действует относительно свободный порядок слов, поэтому составляющие в примере (22) могут располагаться и в другом порядке.

5. Между посессивностью и относительностью: есть ли пограничные случаи?

В общем случае граница оказывается довольно четкой: посессивный аффикс присоединяется к основам одушевленных имен, а также неодушевленных, обозначающих материал, а относительный — к основам остальных неодушевленных имен, наречий и глаголов. Стоит обратить внимание на то, что оба показателя могут маркировать отношения части и целого. Здесь довольно сложно однозначно провести границу. Судя по примерам (8) и (20), посессивный аффикс используется, когда требуется обозначить определенную универсальную часть объекта, а относительный — в случае, если нужно просто описать принадлежность одного объекта другому, более крупному.

Несмотря на описанное выше распределение, по данным некоторых источников, на периферии существуют примеры, в которых *-kin(e)* способен образовать словоформу от основы одушевленного имени:

- (24) *mirə-kin* *miŷer*
 дедушка-REL ружье.NOM.SG
 ‘ружье, связанное с дедушкой; ружье, полученное от дедушки’
 [Muravyova et al. 2001: 47]

Судя по полевым данным, пример (24) является неграмматичным для носителей амгуэмского говора чукотского языка. Однако допускаются следующие употребления (которые, впрочем, следует признать маргинальными):

- (25) [?]*ətəŷ-e* *r-iti-ni-n* *nenene-kin*
 отец-INSTR CAUS-кипеть-3SG.A.3.O-3SG.O ребенок-REL
cajkok
 чайник.NOM.SG
 ‘отец вскипятит детский чайник (которым в семье обычно пользуются дети)’

В данном случае получившаяся словоформа обозначает субъект, который обычно осуществляет действие с этим предметом.

Также некоторые носители признают возможным следующий пример. Значение его, однако, остается не слишком ясным:

- (26) [?]*ətʔa-ken ekke-t*
 мать-REL сын-PL
 ‘материнские сыновья’

Можно предположить, что раз аффикс *-kin(e)* выражает более абстрактное отношение к предмету, он может участвовать в образовании значения генерической принадлежности, то есть образовании генерического посессора от одушевленных имен, в том числе личных. Но следующие примеры опровергают эту гипотезу, так как носители признают неграмматичным употребление в них относительного аффикса и предпочитают ему посессивный:

- (27) **irʔə-n qlawəl-ken ewirʔə-n*
 кухлянка-NOM.SG мужчина-REL одежда-NOM.SG

- (28) *irʔə-n qlawəl-en ewirʔə-n*
 кухлянка-NOM.SG мужчина-POSS одежда-NOM.SG
 ‘кухлянка — это мужская одежда’

Невозможным при обозначении генерического посессора следует признать также присоединение *-kin(e)* к основам, обозначающим животных:

- (29) **mitut-kin wɪlu-t / winwə-t*
 заяц-REL ухо-PL след-PL
 ‘заячьи уши/следы’

6. Некоторые особенности употребления *-kin(e)* с наречиями времени

Относительный аффикс сочетается с временными наречиями, обозначающими определенный промежуток, например, ‘завтра’ (30), ‘вчера’ (31):

- (30) *eryat-ken tekicyə-n*
 завтра-REL мясо-NOM.SG
 ‘мясо, которое будут есть завтра, на завтра’

- (31) *ajwe-ken (tajkə-jo) kawkaw*
вчера-REL делать-PTCP.PASS хлеб.NOM.SG
'вчерашний (вчера сделанный) хлеб'

Однако возможность употребления данного аффикса с наречиями, обозначающими не очень четко очерченный период, вызывает у носителей сомнения:

- (32) *ʔqonpə-ken wa-γəryə-n*
всегда-REL быть-NMLZ-NOM.SG
'вечная жизнь'
- (33) *ʔqonpə-ken tajkə-jo jara-ŋə*
всегда-REL делать-PTCP.PASS дом-NOM.SG
'навсегда (надолго) построенный дом / крепкий дом'

7. Инкорпорация существительного в существительное

Инкорпорация в номинативе происходит, если получившийся в итоге комплекс будет представлять собой устойчивое словосочетание или обозначение класса предметов (например, определенный вид животных или птиц):

- (34) *anqa-gənnə-k*
море-животное-NOM.SG
'морское животное' [Коптjevskaya-Тамм 1995: 308]
- (35) *anqa-γatya-t*
море-птица-PL
'морские птицы'

Если же значение комплекса не является устойчивым концептом, инкорпорация невозможна:

- (36) *anqa-ken jara-t*
море-REL дом-PL
'дома у моря'
- (37) **anqa-jara-t*
море-дом-PL
'морские дома'

Посессивная конструкция, по форме представляющая собой инкорпоративный комплекс, употребляется в случае, если получив-

шийся комплекс обозначает класс объектов, а также представляет собой идиоматичное сочетание:

- (38) *ʔəttʔə-jara-ŋə*
 собака-дом-NOM.SG
 ‘будка, конура’

Если посессором является человек, то инкорпорация возможна при условии, что обладаемое неодушевленное:

- (39) *ŋinqej-ewirʔə-n*
 мальчик-одежда-NOM.SG
 ‘одежда мальчика’
- (40) **ŋinqej-tumyə-tum*
 мальчик-друг-REDUP.NOM.SG
 ‘друг мальчика’

В работе [Муравьева 2004] отмечено, что если посессивная конструкция состоит из двух слов (обозначения посессора, к которому присоединен аффикс, и обладаемого), то мы имеем дело с обозначением «конкретного предмета» (41). При употреблении инкорпорации с посессивным значением имеется в виду класс предметов (42). Подобное различие можно объяснить с точки зрения референциального статуса посессора: в примере (39) он референтный, а в (42) — нереферентный:

- (41) *ŋewəcqet-in ewirʔ-en*
 женщина-POSS одежда-NOM.SG
 ‘одежда женщины’ [Муравьева 2004:121]
- (42) *ŋewəcqet=ewirʔ-en*
 женщина=одежда-NOM.SG
 ‘женская одежда’ [Муравьева 2004: 121]

8. Предикативизация

В чукотском языке именные предикаты могут образовываться от именных основ при помощи местоименных аффиксов:

- (43) *ŋinqej-iyəm*
 мальчик-ST.1SG
 ‘я мальчик’

Словоформы, содержащие посессивные (45) и относительные (44) показатели, тоже могут становиться предикатами. Но следует заметить, что конструкция с посессивным показателем встречается реже, вместо нее употребляются посессивные предикаты, описанные в разделе 3:

(44) *yət etniŋ-kine-jyət*
1SG тундра-REL-ST.1SG
'я тундровичка'

(45) *more ətləy-ena-more*
1PL отец-POSS-ST.1PL
'мы отцовские (у нас есть отец)'

9. Иерархия одушевленности, построенная на основе свойств посессивного и относительного показателей

Иерархия одушевленности, описанная в работе, содержит следующие ступени (чем выше ступень, тем выше вероятность появления имени в агентивной функции и маркирования числовых противопоставлений):

- 1) местоимения 1-го и 2-го лица
- 2) местоимения 3-го лица
- 3) собственные имена существительные
- 4) нарицательные имена существительные (люди)
- 5) прочие одушевленные имена
- б) неодушевленные нарицательные имена существительные

В корякском языке эта иерархия оказывается сокращенной: выделяют 5 классов имен существительных (А: личные местоимения, В: имена собственные, В/С: имена, обозначающие человека, и демонстративы, С: термины родства, имена, обозначающие животных, неодушевленные имена (присоединяют посессивный аффикс при обозначении материала), D: неодушевленные имена (присоединяют относительный аффикс) [Kurebito 2004: 43]). Признаком, на основании которого строится эта классификация, выступает вид эргативного показателя. Автор статьи проводит параллель между распределением имен по классам относительно

вида эргативного показателя и типом показателя, посессивного или относительного. В именах первых четырех классов употребляется посессив в различных его вариантах, а в классе D — относительный показатель. Стоит отметить, что посессивный показатель *-in* присоединяется к неодушевленным существительным в том случае, когда нужно обозначить материал:

(46)	<i>wəww-en-Ø</i>	<i>jaja-ŋa</i>	
	камень-POSS-NOM.SG	дом-NOM.SG	
	‘дом из камня’		[Kurebito 2004: 42]

Возможно, стоит считать аффикс *-in*, использующийся для обозначения материала, омонимичным тому, который присоединяется к одушевленным основам.

Также этот аффикс может употребляться при необходимости описать часть целого в тот момент, пока целостность объекта не нарушена. В противном случае используют относительный суффикс *-kin* (лист, висящий на ветке vs. лист, упавший на землю [Kurebito 2004: 42]).

Корякский посессивный показатель нельзя считать показателем генитива, поскольку он сочетается с показателями числа (после посессивного аффикса к словоформе может присоединиться показатель множественного числа, в отличие от других падежей, к которым этот показатель не присоединяется), падежей (возможно присоединение косвенного падежа, например, локатива, после показателя посессива), а словоформа, содержащая этот показатель, способна выступать в качестве предиката с помощью соответствующих показателей (словоформы с падежными показателями в корякском оказываются к этому не способны).

Логичной кажется попытка провести похожую параллель между употреблением посессивного и относительного аффиксов и показателем генитива и для чукотского языка. В чукотском можно выделить 3 способа выражения эргатива:

- 1) для личных местоимений: особые супплетивные формы
- 2) для high animate nouns (имена людей и животных, термины родства при использовании в качестве апеллятивов, демонстративы): *-rək*

- 3) для одушевленных имен (люди), неодушевленных предметов (функция инструмента): *-a/-e* (в зависимости от гармонии гласных в слове).

Очевидно, что провести параллель между распределением показателей эргатива и показателей посессивности и относительности нельзя (хотя бы потому, что и люди, и неодушевленные предметы присоединяют один и тот же показатель эргатива *-a/-e*).

Поэтому выделим иерархию одушевленности, опираясь на употребление посессивного и относительного показателей.

Представляется прозрачной связь морфологических и семантических свойств именной основы, с помощью которых можно описать иерархию одушевленности в чукотском языке. На вершине иерархии находятся основы, обозначающие людей (в том числе собственные имена и личные местоимения) и некоторых важных для них животных (собак), а также животных, наделенных человеческими способностями (при упоминании в фольклоре); данные основы присоединяют посессивный аффикс и аффикс *-ry* для обозначения множественности посессора. Второе место в иерархии занимают основы, обозначающие других животных, а также некоторые неодушевленные основы. Две группы животных в данном случае выделены по признаку того, может ли основа присоединять аффикс множественности посессора *-ry*. Неодушевленные основы присоединяют аффикс *-in(e)/-en(a)*, который омонимичен посессивному аффиксу и служит для обозначения материала. На последнем месте иерархии находятся неодушевленные имена, способные присоединять относительный аффикс.

Способность двух основ образовывать комплекс (как в примерах из раздела 7) зависит не от морфологических и семантических свойств отдельно взятых основ, а от того, будет ли комплекс являться устойчивым концептом, и от референциального статуса посессора. Поэтому не представляется возможным включить в иерархию одушевленности данное свойство как отдельный фактор. То же самое касается способности основ с относительными и посессивными аффиксами к предикативизации (раздел 8): (не)возможность предикативизации зависит не от свойств основы, а от семантической целостности получившегося комплекса.

10. Выводы

В процессе исследования свойств посессивных и относительных аффиксов в чукотском мы выяснили, что иерархию одушевленности можно построить по образцу той, которая представлена в работе Крофта [Croft 2003: 130] и описана в данной статье в разделе 9. При этом чукотская иерархия совпадает с универсальной по большинству параметров: от местоимений до имен, обозначающих неживые объекты. В качестве основы для распределения по иерархии выступает возможность именных основ присоединять посессивные или относительные показатели. Отличия между чукотской и универсальной иерархиями в том, что местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица находятся на одной ступени, такая же ситуация с собственными и нарицательными именами. Это может быть обусловлено параметром, по которому мы распределяем основы на иерархии.

В то же время существует иерархия, выделенная для корякского языка. Она тоже схожа с универсальной, но, как и чукотская, является сокращенной. Второе сходство корякской и чукотской иерархий наблюдается в возможности поставить на одну ступень отдельные группы одушевленных и неодушевленных имен. Это обусловлено омонимией посессивного показателя, который может присоединиться и к неодушевленной основе, обозначающей материал. Третье сходство состоит в том, что обе иерархии выделены относительно свойств показателей (корякская — эргативного, чукотская — посессивного и относительного).

Различия между иерархиями в чукотском и корякском языках прежде всего в параметре, по которому в них распределены имена. Попытка выделить иерархию на основе эргативного показателя для чукотского оказалась неудачной.

Важной особенностью чукотского языка является вариативность выражения посессивности и относительности. Помимо рассматриваемых подробно показателей *-in(e)/-en(a)* и *-kin(e)/-ken(a)*, возможна инкорпорация (примеры (34)–(39)) и предикативизация основы (примеры (43)–(45)).

Список условных сокращений:

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо индексируемого участника; А — агенс (активный участник при переходном глаголе); ALL — аллатив; AN.ALL — аллатив high animate nouns; AN.PL — множественное число high animate nouns; ATR — атрибутивный показатель; CAUS — каузатив; DEICT — дейктическое местоимение; DIM — диминутив; FUT — будущее время; INSTR — инструменталис; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; O — пациенс (пассивный участник при переходном глаголе); PF — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PTCP.PASS — пассивное причастие; REDUP — редупликация; REL — относительный показатель; S — субъект (участник при непереходном глаголе); SG — единственное число; ST — стативный предикат; TH — тематический показатель.

Литература

- Богораз 1900 — В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1900. [V. G. Bogoraz. Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials of studying the Chukchi language and folklore collected in Kolyma region]. Part 1. SPb.: Imperatorskaia akademiia nauk, 1900].
- Муравьева 2004 — И. А. Муравьева. Типология инкорпорации: Дисс. ... доктора филол. наук, РГГУ, М., 2004. [I. A. Murav'eva. Tipologiiia inkorporatsii [Typology of incorporation]. Diss. ... doktora filol. nauk, RGGU, M., 2004].
- Пупынина 2018 — М. Ю. Пупынина. Предикативное обладание в чукотском языке // М. Я. Дымарский, А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 176–199. [M. Ju. Pupyнина. Predikativnoe obladanie v chukotskom iazyke [Predicative possession in Chukchi] // M. Ia. Dymarskii, A. V. Bondarko, M. D. Voeikova (red.). Problemy funktsional'noi grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnostnom tekste. M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2018. P. 176–199].
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М. — Л.: АН СССР, 1961. [P. Ia. Skorik. Grammatika chukotskogo iazyka. Ch. 1: Fonetika i morfologiiia imennykh chastei rechi [Chukchi grammar. Part 1: Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. M. — L.: AN SSSR, 1961].
- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Possession and ownership. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2013.

- Croft 2003 — W. Croft. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. Diss., Australian National University, Canberra, 1999
- Koptjevskaja-Tamm 1995 — M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive and Relational Forms in Chukchi // F. Plank (ed.). *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 301–324.
- Kurebito 2004 — M. Kurebito. ‘Possessive’ and ‘Relational’ in Koryak Viewed from the Animacy Hierarchy. Toyama: University of Toyama, 2004.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. A RSS/OSSF report (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No 584/1999). Moscow, 2001. (Unpublished).